

пропал головной платок, но во всяком случае, мне думается, будет неплохо, если Хревна больше не сможет украшать себя этим платком.

После этого они расстались довольно враждебно. Люди из Хьярдархольта поехали домой. Взаимные приглашения прекратились. Но все оставалось спокойно. О платке с тех пор ничего не было слышно. Многие считали, что Торольв сжег головной платок по просьбе Гудрун, своей сестры.

В начале зимы умер Асгейр Отчаянная Голова. Его сыновья получили в наследство двор и имущество.

XLVII

После зимнего празднества Кьяртан собрал людей. Всех их было шесть десятков человек. Кьяртан не сказал своему отцу, куда он собирается ехать. Олав об этом и не спрашивал. Кьяртан взял с собой палатки и припасы. Он отправился в путь и приехал в Лаугар. Он велел своим людям спешиться и сказал, что некоторые из них должны стеречь коней, другим же велел расставить палатки.

В то время был обычай, чтобы отхожие места находились снаружи и вдали от жилья. Так это было и в Лаугаре. Кьяртан велел занять все двери и не давал никому выходить и заставил всех людей в течение трех дней отправлять свою нужду внутри дома. После этого Кьяртан поехал домой, в Хьярдархольт, а каждый из его спутников к себе домой. Олав был очень рассержен этой поездкой. Торгерд сказала, что он не должен порицать Кьяртана, и добавила, что люди из Лаугара заслужили еще больший позор. Тут Хревна спросила:

– Говорил ли ты, Кьяртан, с кем-либо в Лаугаре?

Он отвечал:

– Ни о чем особенном.

И добавил, что они с Болли перекинулись несколькими словами. Тут Хревна сказала, и при этом улыбнулась:

– Мне рассказывали как истинную правду, что ты говорил с Гудрун, а также мне рассказывали, как она была одета, – на ней был мой головной платок, и он был ей очень к лицу.

Кьяртан отвечал, и при этом густо покраснел, – каждому было видно, как он рассердился на то, что она смеется по этому поводу.

– Ничего из того, о чем ты рассказываешь, я не видел, Хревна, – сказал Кьяртан. – Гудрун не нужно надевать на себя головной платок, чтобы быть красивее других женщин.

Тут Хревна прекратила разговор.

Люди из Лаугара были очень недовольны и полагали, что Кьяртан нанес им большую обиду, чем если бы убил одного или двух людей. Сыновей Освивра это привело в неистовство, но Болли старался их успокоить. Гудрун мало говорила об этом, и все же можно было понять из ее слов, что вряд ли кто принимал это к сердцу больше, чем она. Между людьми из Лаугара и людьми из Хьярдархольта была теперь открытая вражда.

Когда прошла зима, Хревна родила ребенка. Это был мальчик, и его назвали Асгейр.

Торарин, бонд из Тунги, объявил, что хочет продать землю в Тунге, отчасти потому, что у него стало меньше добра, но также потому, что, вражда между Хьярдархольтом и Лаугаром, как он видел, все возрастала. Он был в дружбе и с теми и с другими. А Болли хотел купить себе земли, потому что у людей в Лаугаре было мало земли, но много скота. Болли и Гудрун по совету Освивра поехали в Тунгу. Они полагали, что им необходимо приобрести в собственность эту соседнюю землю, и Освивр просил их не отказываться от сделки из-за мелочей. Они повели речь с Торарином о покупке земли и договорились, сколько она будет стоить, а также чем следует заплатить, и сделка между ними была заключена. Но на месте не было достаточно людей, как это требуется по закону, и сделка не была скреплена свидетелями. После этого Болли и Гудрун уехали домой.

Однако когда эта весть дошла до Кьяртана, сына Олава, он сейчас же с одиннадцатью людьми поскакал верхом и ранним утром прибыл в Тунгу. Торарин дружески его приветствовал и пригласил остаться. Кьяртан сказал, что он вечером должен возвратиться домой, но на некоторое время все же останется. Торарин спросил, по какому делу он приехал. Кьяртан отвечал:

– Я приехал, чтобы поговорить с тобой о той сделке, которую ты собираешься заключить с Болли, потому что я не хочу, чтобы ты продал эту землю Болли и Гудрун.

Торарин сказал, что ему бы не хотелось от этой сделки отказаться:

– Потому что цена, которую Болли обещал мне за землю, хорошая и будет уплачена немедлен-